

ТАНҚИД ВА ТАҚРИЗ

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

CRITIQUE AND REVIEWS

УДК: 902/904

О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ И ВОПРОСОВ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

© 2022. Сагдуллаев Анатолий

Национальный университет Узбекистана

Ключевые слова: Аратта, Гонур, Маргиана, Бактрия, Джейтунская культура, Синтала, Бандыхан, Кызылтапа, Александр Македонский.

В продолжение темы, затронутой в рецензии Г. А. Кошеленко на книгу Л. М. Сверчкова «Курганзол – крепость Александра на юге Узбекистана» (Кошеленко, 2015. С. 206–212), на примере других публикаций автора указанной книги, в том числе и в соавторстве, в статье рассматриваются проблема объективности в исторических исследованиях, методы интерпретации археологических данных и изложение собственных взглядов в качестве истины, а также обращено внимание на настойчивые попытки доказать, что сложные вопросы древней истории можно решать порой, основываясь на догадках.

Все это получило отражение в неудачной попытке определения языка носителей Джейтунской, Кельтеминарской и других культур на основе археологических материалов, в необоснованном подходе к решению проблем исторической географии эпохи бронзы и вопросов миграции племенного союза гутиев в Маргиану и Бактрию, переселения народа долины Тарима в Бандыханский оазис (Южный Узбекистан).

Отдельно рассмотрены результаты повторных исследований памятников Бандыхана и Кызылтапа, в том числе характеристика хронологии и периодизации археологических комплексов, истории формирования и развития фортификации Кызылтапа и Бандыхана II. Отмечено, что авторы новых работ раскопок оборонительных стен городища Кызылтапа и крепости Бандыхан II не проводили, поэтому их выводы относительно истории фортификации данных памятников остаются голословными, характеристика некоторых других проблем археологии эпохи поздней бронзы и раннего железа требует научной аргументации и сравнительного анализа.

АРХЕОЛОГИК ЁДГОРЛИКЛАР ВА ҚАДИМИЙ ТАРИХ МАСАЛАЛАРИНИ ЎРГАНИЛИШГА ДОИР АЙРИМ ЁНДАШУВЛАР ҲАҚИДА

© 2022. Сагдуллаев Анатолий

Ўзбекистон Миллий университети

Калит сўзлар: Аратта, Гонур, Маргиёна, Бактрия, Жойтун маданияти, Синтала, Бандихон, Кизилтепа, Македониялик Александр.

Мақолада Г. А. Кошеленко томонидан Л. М. Сверчковнинг «Курганзол – крепость Александра на юге Узбекистана» китоби юзасидан билдирилган фикр – мулоҳазаларини давом этирishi мақсадида (Кошеленко, 2015. С. 206–212), тилга олинган китоб муаллифининг бошқа нашрларида, шу жумладан, ҳаммуаллифликда, тарихий тадқиқотлардаги ҳолислик муаммоси, археологик маълумотларни талқин қилиши усуллари ва шахсий қарашларни ягона ҳақиқат сифатида баён этиши ҳамда қадимги тарихнинг мураккаб масалаларини фаразлар асосида ечишига интилиши каби ҳолатлар очиб берилган. Шунингдек, мақолада Жойтун, Каттаминор ва бошқа маданиятлар жамоалари вакилларининг тилини археологик материаллар асосида аниқлашига муваф-

фақиятсиз уриниш, бронза даври тарихий географияси муаммолари, Маргиёна ва Бактрияга гутийлар кабилалари уюмасининг миграцияси ҳамда Бандихон воҳасига (Жанубий Ўзбекистон) Тарим дарёси ҳавзасидан аҳоли гуруҳларининг кўчиб келиши каби масалаларни ечишда далилсиз ёндашувлар кўрсатиб ўтилган.

Бандихон воҳаси ёдгорликлари ва Қизилтепада амалга оширилган қайта тадқиқотларнинг натижалари, шу жумладан, археологик мажмуалар хронологияси ва даврлаштиришнинг тавсифи ҳамда Қизилтепа ва Бандихон II қалъаси мудофаа тизимининг шаклланиши ва ривожланиши тарихининг ёритилиши жиҳатлари алоҳида кўриб чиқилган. Бунда янги тадқиқотлар муаллифлари томонидан Қизилтепа шаҳар харобаси ва Бандихон II қалъаси мудофаа деворларини ўрганиш бўйича қазимиша ишларни олиб борилмаганлиги туфайли, мазкур ёдгорликларнинг мудофаа иншоотлари тарихига тегишли ушбу муаллифлар хулосаларининг асоссизлиги ҳамда сўнги бронза ва илк темир даври археологиясининг айрим муаммоларни талқин қилишда илмий далиллар келтириши ва қиёсий таҳлил усулларида фойдаланиши зарурати қайд этилган.

Археология находится в постоянном развитии. Новые исследования способствуют не только расширению научных данных, но и позволяют пересмотреть некоторые устоявшиеся положения. И нет ничего особенного в том, что в свете достижений в области археологии отдельные концепции, взгляды и подходы не находят подтверждения, а другие пересматриваются и получают развитие на иной основе. Однако одно дело – отрицать результаты предыдущих исследований, а другое – опровергать их, что требует конкретной основы объяснения и научного обоснования предлагаемых аргументов.

Содержание публикаций Л. М. Сверчкова, в том числе в соавторстве с зарубежными археологами, относительно итогов новых раскопок памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа в Южном Узбекистане уже освещалось нами, однако без необходимых иллюстраций. В настоящей статье приводится не опубликованный ранее иллюстративный материал, который, наряду с уже опубликованными данными, не подтверждает «новую» интерпретацию стратиграфии и хронологии археологических комплексов, а также датировку этапов строительства оборонительных стен памятников раннежелезного века долины Сурхана.

Но в начале следует отметить, что в исследованиях Л. М. Сверчкова последних лет особое место занимают не только чисто археологические проблемы, но также попытка определить языковую принадлежность различных племен эпохи неолита и бронзы на основе археологических данных, а также вопросы исторической географии, локализации отдельных стран, областей и античных городов. И например, читая монографию Л. М. Сверчкова, можно было бы поверить в его выводы о том, что «Джейтунская культура оставлена далекими предками людей, говорящих на тюркских, монгольских, тунгусо-манчжурских и, возможно, как полагают некоторые исследователи, корейском и японском языках», или «кельтеминарцы – это германо-балто-славянское диалектное единство» (Сверчков, 2012. С. 58, 190–191). Но ведь речь идет о далекой эпохе неолита, о племенах дописьменной истории. Каким образом в данном случае археологические признаки культуры – керамика, орудия труда, украшения и т. п. – могут служить индикатором, определяющим язык, «диалектное единство» тех или иных племен? Видимо, этот вопрос останется открытым, впрочем, как другие.

К одним из таких относится вопрос о местоположении родины «племенного союза гутиев» – страны Гутиум – это «вероятнее всего предгорные равнины Эльбруса, долина Горгана (северо-восток Ирана) и небольшая окраинная область севернее р. Атрек (юго-запад Туркменистана), а близкая Гутиуму страна Тукриш находилась северо-восточнее, в предгорьях Копетдага» (Сверчков, 2012. С. 114), т. е. в Южной Туркмении.

Наряду с этим, указанные выше области связываются в монографии также со страной Аратта, что нашло отражение в следующем выводе: «Таким образом, вся совокупность данных о горе Аратты, реке Аратты указывает на вытянутый в широтном отношении хребет Эльбрус с замечательными предгорными долинами и прежде всего на восточную его часть – область бытования носителей культур серой и расписной керамики Северо-Восточного Ирана и Юго-Западного Туркменистана» (Сверчков, 2012. С. 106).

С гутиями Л. М. Сверчков связывает происхождение цивилизации Маргианы – Бактрии эпохи бронзы. В этом плане обращает на себя внимание его рассказ об исторической судьбе гутиев. Он напоминает шумерские сказания. Приблизительно в 2200 году до н. э. гутии завоевали Месопотамию. Однако 100 лет спустя им пришлось покинуть «не только завоеванные, но и собственные территории. В конце III тыс. до н. э. прекращение жизни в долине Горгана произошло столь стремительно, что их жители даже не успели забрать выдающийся астрабадский и не менее ценный базгирский клад, а также два клада в Тепе Гиссар» (Сверчков, 2012. С. 114). Но это еще не все. К числу «награбленной гутиями добычи» «военных трофеев» автор книги относит «шедевры ближневосточного искусства, по счастливой случайности уцелевшие в могильнике Гонур» (Маргиана, низовья р. Мургаб, Туркменистан). И далее он пишет: «Следовало бы только задуматься, откуда в пустыне Мургаба ... в самом конце III тыс. до н. э. внезапно появилось такое обилие ценных вещей шумерского происхождения. Как представляется, ответ лежит на поверхности – бактрийско-маргианская культура обязана своим созданием племенному союзу гутиев» (Сверчков, 2012. С. 15).

Границы «новых владений гутиев» определены довольно широко – от предгорий Копетдага до Гиссарского хребта, Гиндукуша и Памира (территория Северной Парфии, Маргианы и Бактрии). Известно, что земли Маргианы и Бактрии были освоены в результате ширококомасштабных миграций эпохи бронзы. По данным В. И. Сариниди, только в низовьях р. Мургаб обнаружено 128 поселений этого времени (Сариниди, 2010. 24, карта). В. И. Сариниди связывал их формирование с миграцией населения Передней Азии в конце III – начале II тыс. до н. э. (Сариниди, 1990. С. 74–101; 2010. С. 14–20, 114–119). Видимо, это была миграция из высокоразвитых земледельческих областей Месопотамии, Элама, северо-восточного Ирана и предгорий Копетдага (Намазга, Алтындепе) в Маргиану и Бактрию. Это не могло быть следствием переселения исключительно племенного союза гутиев, как представляет данный процесс автор монографии. Здесь, видимо, надо было сравнить различные точки зрения о происхождении древнеземледельческой культуры Маргианы – Бактрии и затем на этом фоне излагать собственные взгляды. А зачем все это делать, если «ответ лежит на поверхности»?

В таком же русле решается вопрос о проникновении на юг Средней Азии в эпоху поздней бронзы тохарского языка, и этот процесс «виден в археологии в распространении культуры расписной керамики типа Яз I» (Сверчков, 2010. С. 189, 191).

Родина носителей этой керамики якобы находилась в Синьцзяне, в бассейне р. Тарим, на поселении Синтала. В этой связи особо подчеркивается «синхронность запустения поселения Синтала (долина Тарима) и появления Майдатепы (поселение Бандыхан I) около 1400 г. до н. э.», расположенного на юге Узбекистана. Автор данного вывода пишет об «идентичности» археологических комплексов Синтала и Майдатепы, «совпадает даже размер сырцовых кирпичей», что свидетельствует о «прямом переселении древних обитателей Синтала в Бандыхан» (Сверчков, 2010. С. 185–186; 2012. С. 28).

Л. М. Сверчков нисколько не заботится о достоверности своих выводов. Он утверждает, что около 1000 г. до н. э. поселение Бандыхан I «без всяких видимых при-

чин было оставлено, нет никаких признаков пожара, каких-то следов разрушений природного или военного характера. Возможно, жители ушли обратно на север в широком значении этого слова – от долины Кашкадарьи до Синьцзяна» (Сверчков, 2010. С. 186; 2012. С. 128). Однако если действительно идти на север от долины Кашкадарьи, то можно пойти, например, до пустыни Кызылдум, а если и еще дальше – на север «в широком значении этого слова» – до Карского моря, но далеко не до Синьцзяна, который останется на востоке от долины Кашкадарьи.

Неожиданная трактовка географии. Об этом писал и Г. А. Кошеленко в связи с утверждением Л. М. Сверчкова, что Мерв расположен к югу от Амударьи (Кошеленко, 2015. С. 210).

Но вернемся к теме выходцев из поселения Синтала, которые переселились в Бандыхан. Согласно новой версии, в течение 1400–1000 гг. до н. э., т. е. 400 лет, они занимались распространением здесь тохарского языка и лепной расписной керамики типа Яз I, а затем неожиданно ушли обратно в Синьцзян на родину забытых предков, точно так же, как гутии, которые 100 лет спустя после завоевания Месопотамии покинули не только ее, но и свою страну Гутиум и переселились в Маргиану. Между тем широко известно, что лепная расписная керамика типа Яз I обнаружена на огромной территории юго-востока Средней Азии. Это никак нельзя объяснить исключительно миграцией небольшой части населения долины Тарима – обитателей Синтала в Бандыхан. А что касается предполагаемой обратной миграции из Бандыхана в Синьцзян, то она не соответствует действительности. Жизнь в Бандыханском оазисе продолжалась на поселениях Бандыхан II и Газимулла.

Несколько поверхностное отношение к археологическим материалам и данным письменных источников проявляется и в попытке Л. М. Сверчкова осветить некоторые события периода походов Александра Македонского, в связи с его раскопками на крепости Курганзол и новыми исследованиями некоторых памятников долины Сурхана на юге Узбекистана, расположенных в Бандыханском и Миршадинском оазисах.

Поселения Бандыханского оазиса были открыты в 1973 г. Э. В. Ртвеладзе и вошли в научный оборот как Бандыхантепа I, Бандыхантепа II, Киндыктепа и Газимулла (Ртвеладзе, 1976. С. 95–100). Раскопки поселений проводились Э. В. Ртвеладзе, З. А. Хакимовым и автором этих строк.

На крепости Бандыхан II З. А. Хакимовым раскопаны полуокруглые башни с прямоугольными бойницами для стрельбы из лука. Аналогичные башни выявлены Э. В. Ртвеладзе и Ш. Р. Пидаевым на крепости Талашкан которая затем была полностью раскопана Ш. Б. Шайдуллаевым (Шайдуллаев, 2000. С. 51, рис. 30), а также на Кызылтепа (Пугаченкова, 1989. С. 8). На основе археологических материалов эта система фортификации была датирована доахеменидским временем – VII – серединой VI в. до н. э. (Сагдуллаев, 1989. С. 48), что не вызвало каких-либо возражений в научной литературе.

В 2005 г. Л. М. Сверчков и Н. Бороффка начали повторные исследования памятников Бандыхана. Авторы новых раскопок подчеркивают, что по материалам из нижнего слоя подтверждено сложение поселения Бандыхан II «в период Яз II (первая половина I тыс. до н. э.)... Однако впервые установлено, что сама крепость Бандыхан II (т. е. ее фортификация – А. С.) была построена в период Яз III, причем на позднем его этапе, и функционировала, таким образом, с V до конца IV в. до н. э.» (Сверчков, Бороффка, 2006. С. 199). И всё это без какого-либо анализа археологических материалов, результатов предыдущих исследований и данных историографии. Керамика, обнаруженная

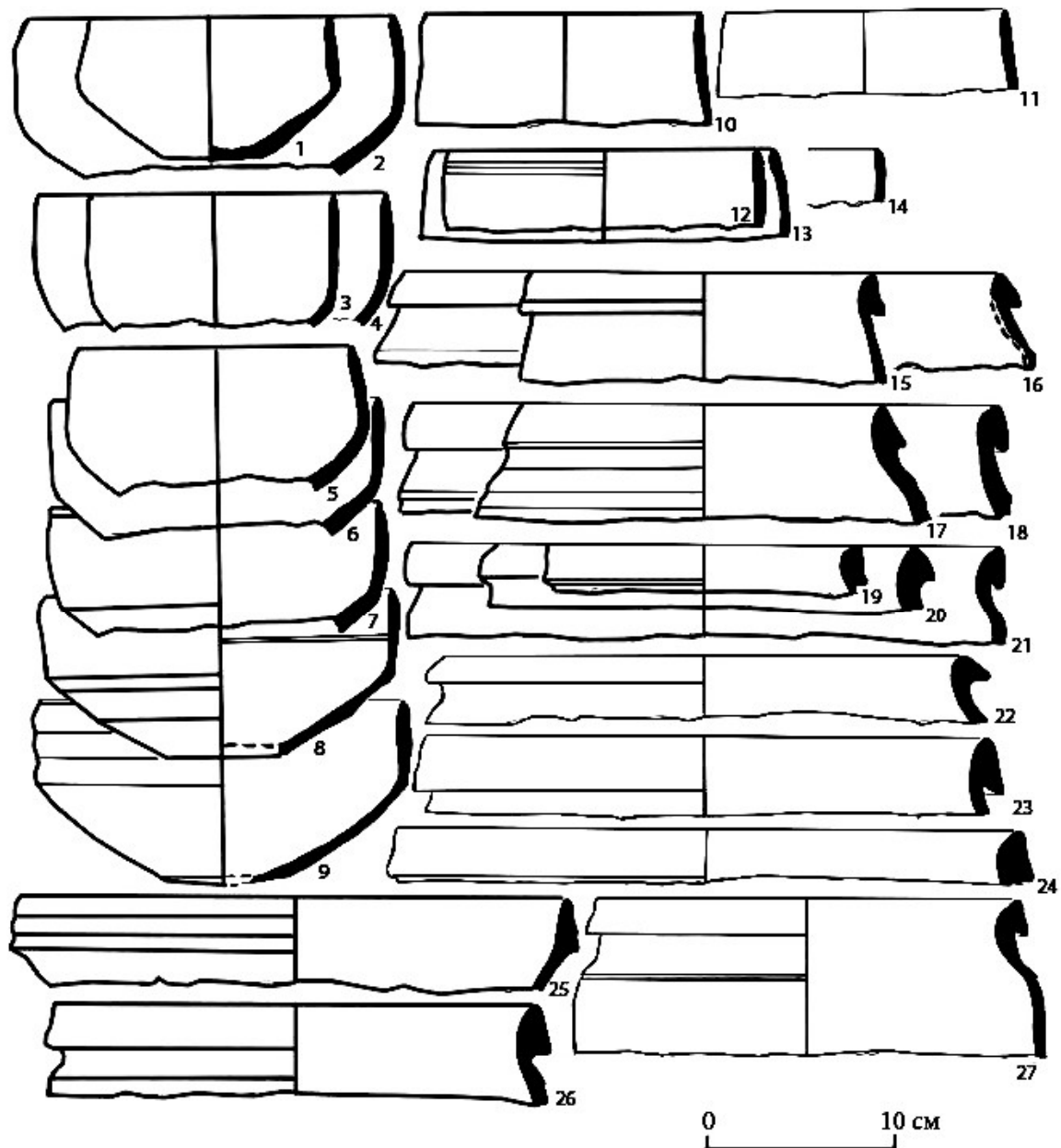

Рис. 1. Керамика VII–VI вв. до н. э. из разрушенных башен Бандыхан II
 1-расм. Бандихон II нинг бузулган минорларида аниқланган милoddан аввалги VII–VI асрларга оид сопол
 идишлар парчалари
 Figure 1. Ceramics of the 7th - 6th centuries. BC e. from the destroyed towers of Bandykhan II

З. А. Хакимовым в процессе раскопок Бандыхан II датировалась доахеменидским временем (рис. 1, 2). Крепость Бандыхан II была разрушена стенобитными орудиями, и ее стены более не восстанавливались.

Во всяком случае первоначальная фортификация этой крепости с полуокруглыми башнями не существовала в V в до н. э. и в период походов Александра Македонского. Об этом свидетельствует керамический комплекс, обнаруженный в разрушенных башнях и на территории Бандыхан II (рис. 1, 2). Даже визуальный анализ данного комплекса керамики опровергает утверждение Л. М. Сверчкова и Н. Бороффки о значительно более поздней дате строительства бандыханской фортификации, так как эта керамика является более древней, чем время V – конец IV вв. до н. э.

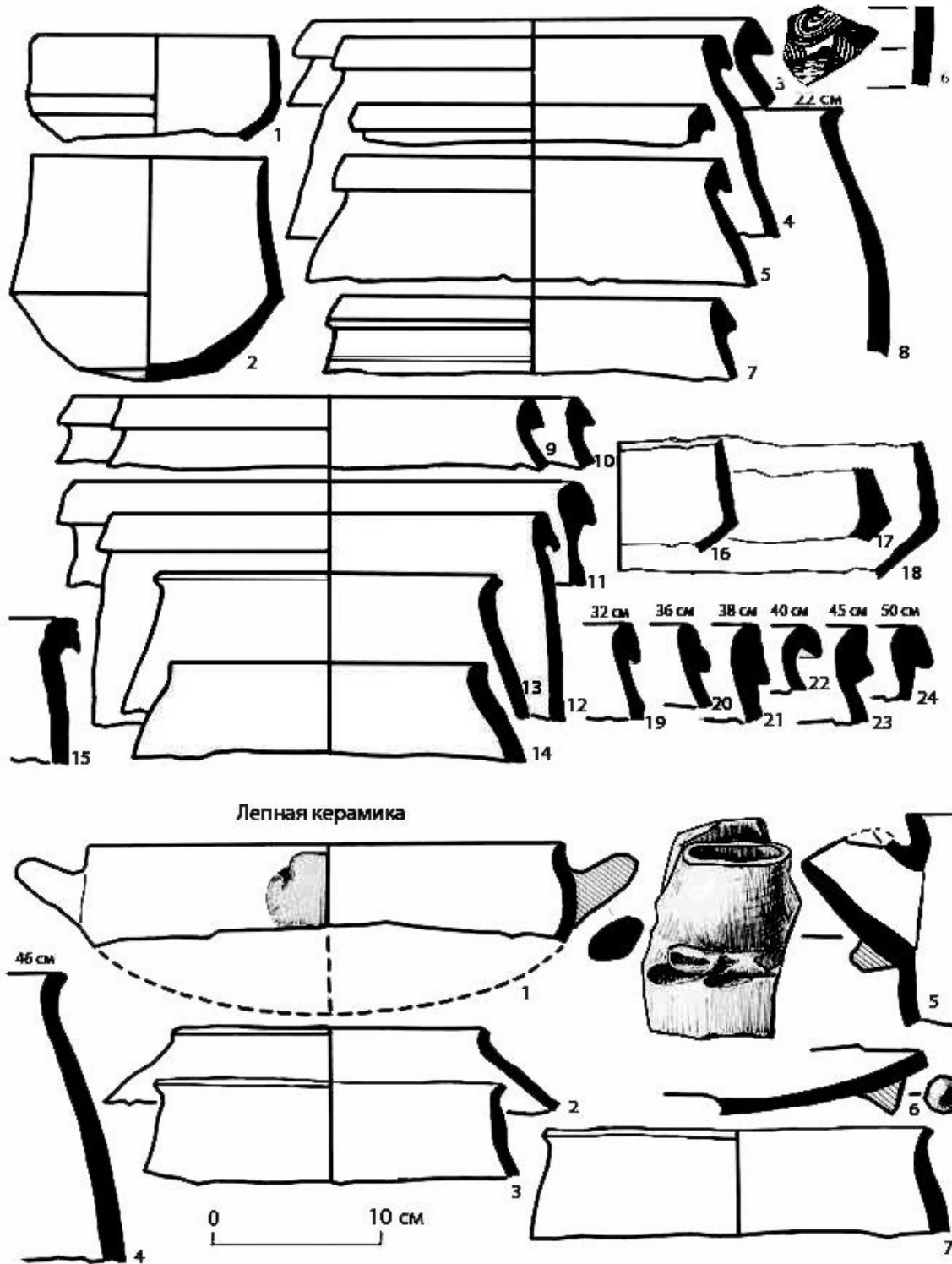

Рис. 2. Керамика VII–VI вв. до н. э. из крепости Бандыхан II
 2-расм. Бандихон II қалғасининг миллоддан аввалги VII-VI асрларга оид сопол идишлари
 Figure 2. Ceramics of the 7th - 6th centuries. BC e. from the Bandykhan II fortress

То же самое можно сказать и о керамике типа Кызыл II, найденной в башнях и внутристенном стрелковом коридоре оборонительной стены Кызылтапа. Наличие в комплексе Кызыл II двухлопастных втульчатых наконечников стрел листовидной формы, а также ромбических черешковых наконечников стрел из бронзы, не позволяет

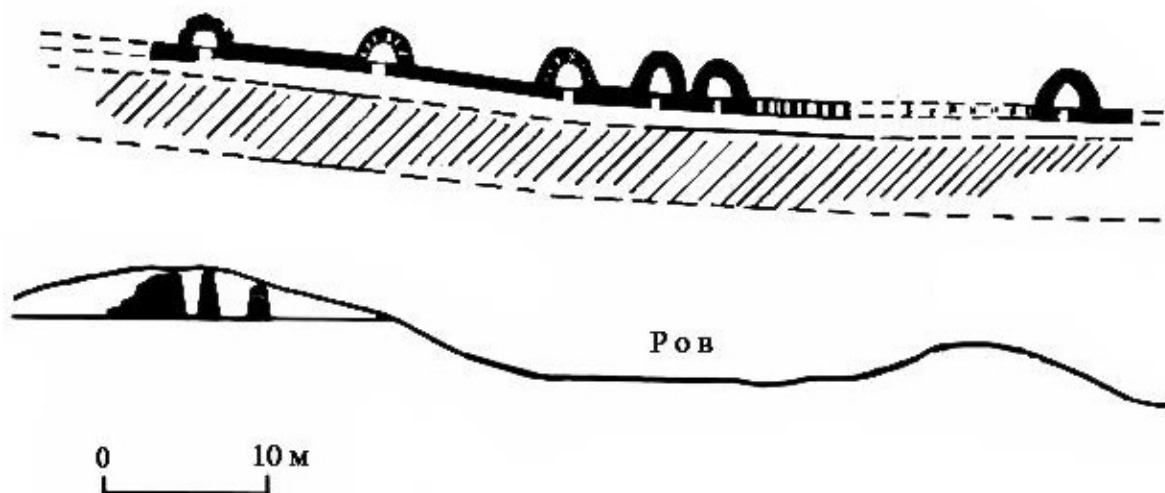

Рис. 3. План и разрез раскопанного участка оборонительной стены Кызылтапа (период Кызыл II)
 3-расм. Қизилтепа мудофаа деворининг қазилган қисмининг режаси ва кесмаси (Қизил II даври)
 Figure 3. Plan and section of the excavated section of the Kyzyltepa defensive wall (Kyzyl II period)

датировать этот археологический комплекс позднее середины VI в. до н. э. Указанные материалы опубликованы.

Тем не менее, как и в случае с датировкой фортификации Бандыхан II, такой же вольный метод использован в процессе определения хронологии фортификации Кызылтапа, что проявляется в следующем заключении: «Около середины или 2-й половины IV в. до н. э. возводится внешняя линия укреплений – обводная стена городища, которая практически сразу же вслед за этим была разрушена. На следующем этапе, вероятно, для усиления стойкости против стенобитных машин ее внутренний коридор был забутован. Похоже, что только в это время происходит заселение и обживание «нижнего города» (Сверчков, Син, Бороффка, 2012. С. 260). Л. М. Сверчков и его коллеги раскопки оборонительной стены Кызылтапа не проводили, поэтому можно было бы обойтись без комментариев, но тема этапов строительства и хронологии фортификации городища приобрела в их исследованиях особый характер.

На основе археологических материалов З. А. Хакимовым и автором этих строк установлено, что первоначальное поселение сложились на месте цитадели, в юго-западной части Кызылтапа в X–VIII вв. до н. э. (период Кызыл I). В VII–VI вв. до н. э. к юго-востоку от цитадели обводится крепостными стенами территория в 14 га (период Кызыл II) (Сагдуллаев, Хакимов, 1976. С. 29). На первом этапе оборонительная стена была фланкирована полуокруглыми башнями с бойницами для стрельбы из лука и имела внутренний стрелковый коридор. План и разрезы оборонительных стен Кызылтапа, а также другие данные опубликованы (Пугаченкова, 1989. С. 8–9; Сагдуллаев, 1989. С. 47–48).

Первоначально фортификация Кызылтапа предназначалась для отражения нападения конницы и пехоты противника (рис. 3). Во второй период (Кызыл III) башни и внутристенный стрелковый коридор были забутованы пахсой. В результате этого стена начиная со второй половины VI в. до н. э. представляла собой сплошной пахсовый монолит. Она была противопоставлена стенобитным орудиям (рис. 4).

Л. М. Сверчков не опровергает вышесказанное, точно так же не обращает внимания на результаты предыдущих исследований, но категорично утверждает, что стена Кызылтапа возведена «около середины или во второй половине IV в. до н. э.». Видимо, он считает такой подход приемлемым.

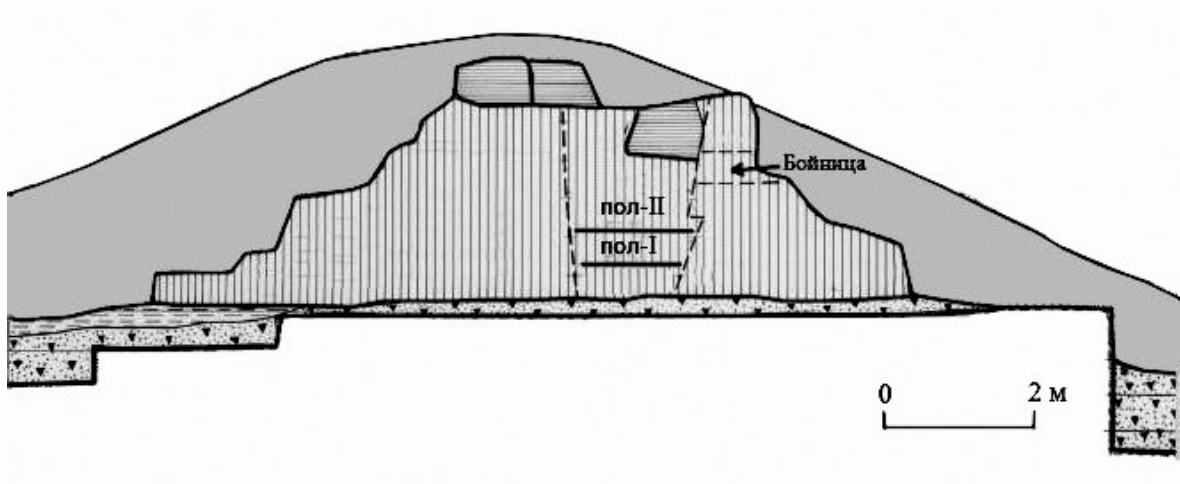

Рис. 4. Разрез оборонительной стены Кызылтапа (период Кызыл III, штрихом показаны пахсовая стена, забутованный пахсой стрелковый коридор и бойница)

4-расм. Қизилтепа мудофаа деворининг кесмаси (Қизил III даври, пахса девори, отиши йўлаги ва пахса билан тўлдирилган бўйлик)

Figure 4. Section of the defensive wall of Kyzyltepa (Kyzyl III period, the pakhsa wall, the shooting corridor and the loophole filled with pakhsa)

Что касается периодов обживания укрепленной части Кызылтапа, то мощность культурного слоя в этой части достигает 2–2,5 м, и этот слой образовывался в течение длительного времени, начиная с VII в. до н. э., однако здесь не удалось выявить регулярную жилую застройку. Это, видимо, свидетельствует о нерегулярном характере обживания укрепленной части Кызылтапа, хотя Г. А. Пугаченкова считала, что застройка массового жилища могла быть глинокаркасной, весьма непрочной (Пугаченкова, 1989. С. 9).

Таким образом, городище Кызылтапа состояло из цитадели и укрепленной части, на территории которой существовали обширные, специально не застроенные участки – площади, которые использовались в случае военной угрозы как убежище для населения округи и как загон для скота – мерила общинного богатства.

В публикациях Л. М. Сверчкова и его коллег возведение фортификации отдельных поселений долины Сурхана эпохи раннего железа, на которых они проводили раскопки, связывается исключительно с ахеменидским временем и более того, с его поздними этапами – конец V в. до н. э. или середина, вторая половина IV в. до н. э. Все это делается в угоду заранее сложившейся концепции, что одни крепости (Курганзол) были построены по приказу Александра Македонского, а другие (Кызылтапа, Бандыхан) разрушены греко-македонцами. Удивительно, что эллины разрушали лишь те древнебактрийские поселения, которые изучались под руководством Л. М. Сверчкова, тогда как, например, Кучуктепа, Талашкан, Пшактепа, Хайитабад и др. избежали этой участи.

В 2011 г. Л. М. Сверчков, У. Син, Н. Бороффка продолжили исследования Кызылтапа «по инициативе Института Древнего Мира при Нью-Йоркском университете США». На восточном холме цитадели были расчищены помещения, раскопанные ещё в начале 70-х гг. прошлого века, а также проведены дополнительные раскопки и стратиграфически выделены этап 0, этап 1, этап 2 и 3 (Сверчков, Син, Бороффка, 2013. С. 47). В опубликованной в свете этих работ статье специально подчеркивается, что керамические комплексы каждого из указанных выше этапов «практически не отличаются друг от друга ни по формам, ни по технике, ни по манере изготовления», однако данный вывод опровергают сами же авторы статьи, подразделяя керамику Кызылтапа

на лепную и изготовленную на гончарном круге; отличаются также типы керамики (Сверчков, Син, Бороффка, 2013. С. 47, 54, рис. 17, 62–64, рис. 23–24, 28, 30).

Еще в 70-е годы прошлого века было отмечено, что в середине I тыс. до н. э. Кызылтепа постепенно забрасывается, у оборонительной стены городище разрушается, на гребне стены роются хозяйственные ямы, которые были обнаружены и в верхнем строительном горизонте восточного холма цитадели (Сагдуллаев, Хакимов, 1976. С. 29). Аналогичные ямы найдены также в процессе раскопок 2011 г.

Авторы работ на этих раскопках пишут, что встречаются «позднейшие ямы, насыщенные мусором», и еще какие-то «аморфные глубокие ямы», которые определены ими как «поисковые», или «позднейшие грабительские ямы», связанные с «поисковой деятельностью», что якобы свидетельствует о «проведении грабительских работ, тотчас вслед за разрушением города в поисках чего-либо ценного» (Сверчков, Син, Бороффка, 2013. С. 43, 52, 55–56, 57). Однако на самом деле эти ямы свидетельствуют о сезонном использовании заброшенных строений восточного холма цитадели и территории городища Кызылтепа в античное время, видимо, пастухами, которые пасли скот на обширных пастбищах предгорий; регулярные жилые строения этого времени здесь не обнаружены. Именно из этих ям и происходит так называемая эллинистическая керамика. На поверхности руин древнеземледельческих усадеб в округе Кызылтепа нами также была найдена керамика античного времени. Однако какие-либо стационарные крепости и усадьбы селевкидского и греко-бактрийского периодов в Миршадинском оазисе не выявлены.

Авторы статьи дают следующее объяснение происхождению эллинистической керамики в Бактрии: «В местах проживания коренного населения продолжали бытовать классические формы типа Яз III (ахеменидского времени – А. С.), эллинистическая керамика изготавливалась бактрийскими мастерами только там, где спрос был обусловлен присутствием греко-македонского населения» (Сверчков, Син, Бороффка, 2013. С. 71) (подразумевается период завоевания Северной Бактрии греко-македонцами). Но каким образом бактрийские мастера тотчас научились изготавливать эллинистическую керамику? Видимо, этому делу их обучали воины, бывшие гончары-греки. Однако восточные гончары не имели соответствующих навыков, так как история эллинизации Востока лишь только начиналась, поэтому на опубликованных фотографиях так называемой раннеэллинистической керамики Кызылтепа также нашли отражение фрагменты толстостенных сосудов (Сверчков, Син, Бороффка, 2013. С. 50, рис. 15) с грубо обработанной внешней поверхностью и, как бы ни хотелось, далеко не похожих на раннеэллинистическую керамику.

В 70-е гг. прошлого века в культурных слоях периода Кызыл II была обнаружена станковая керамика с расписным геометрическим орнаментом (Сагдуллаев, 1985. С. 25, рис. 4; 1987. рис. 24). Авторы рассматриваемой статьи, связывая ее с традициями орнаментации керамики типа Яз I, пишут, что признаки «культуры лепной расписной керамики» Кызылтепа «обусловлены присутствием ее носителей в войске Александра», оказавшихся носителями культуры лепной расписной керамики типа Яз I и «союзниками греков из присырдарьинских районов» (Сверчков, Син, Бороффка, 2013. С. 73–74) (здесь, видимо, подразумеваются саки – А. С.).

Соавторы данного заключения не смогли найти иного, более конкретного объяснения. Однако расписная керамика, обнаруженная в культурных слоях Кызыл II, изготовлена на гончарном круге и представлена цилиндроконическими формами, о технике производства которых так называемые присырдарьинские союзники греков не имели

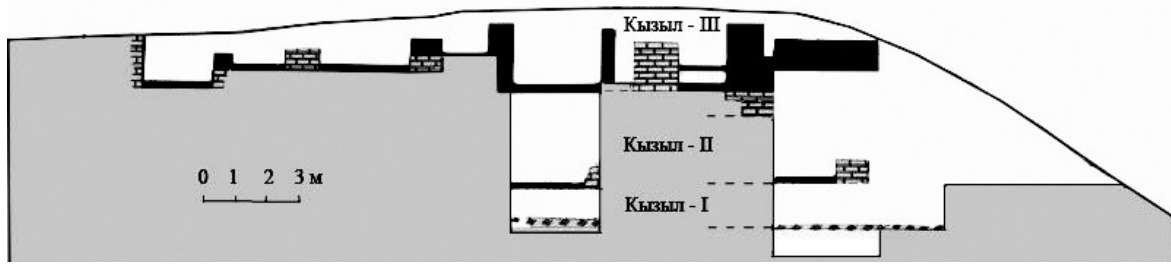

Рис. 5. Стратиграфический разрез раскопа 1 на восточном холме цитадели Кызылтепа (раскопки 1973–1975 гг., жирным черным цветом обозначены уровни полов и стены из пахсы)

5-расм. Қизилтепа қўрғонининг шарқий тепалигидаги 1-қазининг стратиграфик кесмаси (1973–1975 йиллардаги қазималар, қуюқ қора ранг пол сатҳи ва пахса деворларини билдиради)

Figure 5. Stratigraphic section of excavation 1 on the eastern hill of the Kyzyltepa citadel (excavations in 1973–1975, bold black indicates floor levels and pakhsa walls)

никаких представлений. Эта керамика отражает местные традиции гончарного ремесла, ее хронология более древняя, чем время походов Александра Македонского. Не исключено, что У. Син и Н. Бороффка, впервые проводившие раскопки на Кызылтепа, не располагали соответствующей информацией об этом, но «молчание» Л. М. Сверчкова удивляет, словно станковая расписная керамика типа Кызыл II не опубликована. Ее более раннее местное происхождение опровергает фантастические рассуждения о «присырдарьинских союзниках», занимавшихся керамическим производством в Бактрии. Это очередная выдумка.

Авторы статьи относят «первый разгром Кызылтепа» греко-македонцами к 328 г до н. э., и после этого ими «осуществляется попытка создать некое подобие укрепленного лагеря, состоявшего из временных, наспех сооруженных легких жилищ». Тогда же «из подручного материала» якобы возводится оборонительная стена городища, укрепленная башнями (Сверчков, Син, Бороффка, 2013. С. 73), словно греки-воины знали традиции глинобитного строительства бактрийских башен. Далее утверждается следующее: «Судя по появлению эллинистической посуды, в том числе импортной, в созданном укреплении, помимо бактрийцев, были греки, а также их союзники из присырдарьинских районов» (Сверчков, Син, Бороффка, 2013. С. 73–74). Непонятно, откуда такие сведения о строительстве укрепленного лагеря и легких жилищ, об импортной эллинистической посуде, о смешанном проживании на Кызылтепа бактрийцев, греков и «союзников».

Находки какой-либо керамики не дают никаких оснований говорить о строительной деятельности греков, а тем более – о составе населения. Здесь явно не хватает аргументов. Все это надо доказать, а не оставлять подобные суждения на уровне голословных выводов. Аналогичное замечание относится и к выводу о том, что в 328 г. до н. э. македонцами «были уничтожены и забиты камнями фортификационные сооружения (башни и стены – А. С.) крепости – цитадели городища Бандыхан II». На основе дендрохронологических данных установлена абсолютная хронология второго строительного горизонта этапа 1 Кызылтепа, который «на 21 год старше крепости Курганзол», построенной в 328 г. до н. э. (Сверчков, Син, Бороффка, 2013. С. 65). При полном отсутствии нумизматического материала столь точную дату древнего строительного горизонта никто еще не определял.

В целом этап 1 отнесен к IV в до н. э., а прекращение жизни на Кызылтепа в конце этого этапа авторы статьи связывают «с завоевательными походами греко-македонских войск в 329–327 гг. до н. э.» (Сверчков, Син, Бороффка, 2013. С. 65). Но и здесь

допущена ошибка, так как в 329–328 гг. до н. э. (о чем будет сказано ниже) происходило завоевание Согдианы, но не Северной Бактрии.

После «прекращения жизни на Кызылтепа в конце этапа 1», неожиданно начинается ее возрождение, «без видимого хронологического перерыва происходит спешное создание фортификационной системы и, главное, только в это время (в 328 г. до н. э. – А. С.) возводятся стены и башни «нижнего города», т. е. появляется собственно городище Кызылтепа» (видимо, Александрия за Оксом), так как речь идет о строительной деятельности греко-македонцев. Из этого следует, что укрепленного города на этом месте до прихода греко-македонцев не было. И как понимать тогда «первый разгром» завоевателями в 328 г. до н. э. Кызылтепа – не существовавшего городища? А затем, через несколько лет, после 323 г. до н. э., вновь происходит «гибель города» (Сверчков, Син, Бороффка, 2013. С. 65, 74).

Можно лишь посочувствовать многострадальному городищу Кызылтепа, которое завоеватели и неизвестные мародеры раз за разом предавали огню, разрушали и грабили. В контексте «новых данных» такие «рассказы по истории» должны быть хотя бы правдоподобными.

На выводы Л. М. Сверчкова, связанные с темой «Александр Македонский в Бактрии», заметное влияние оказала монография Э. В. Ртвеладзе о походе Александра в Бактрию и Согдиану (Ртвеладзе, 2002).

В этой монографии допущена опечатка даты начала последней военной кампании Александра Македонского в Средней Азии после зимовки его армии в Наутаке (долина Кашкадарьи) – весна 328 г. до н. э. (Ртвеладзе, 2002. С. 89). На самом деле исторические события после зимовки армии греко-македонцев в Наутаке – штурм Согдийской скалы и поход в страну Паретакена (долина Сурхана) – происходили весной 327 г. до н. э., о чем свидетельствует Арриан, согласно которому сам Александр с основной армией проследовал в Бактры, а в Паретакене были оставлены подразделения Кратера, которые после подавления восстания под предводительством бактрийцев Катана и Австана также вернулись в Бактры (Ртвеладзе, 2002. С. 129). Во время подавления этого восстания были разрушены и преданы огню земледельческие усадьбы в округе Кызылтепа, но на территории самого городища следы пожара и разрушений не отмечаются. В это время система фортификации Кызылтепа находилась в упадке и городище не выполняло функцию убежища для населения сельскохозяйственной округе.

Л. М. Сверчков не обратил внимания на опечатку даты похода греко-македонцев в Паретакену, поэтому строительство крепости Курганзол, «разгром» Кызылтепа и фортификации Бандыхан II он механически относит к 328 г. до н. э. При внимательном чтении источников (Квинт Курций Руф, Арриан и др.) 328 г. до н. э. – это время подавления восстания Спитамена в Согдиане, что является общепринятым в исторической литературе. Согласно Арриану, Александр и затем Кратер с войском вернулись в Бактры. Это не подтверждает вывод о том, что в разгромленных крепостях Паретакены (Кызылтепа и т. д.) могли совместно проживать греко-македонцы, их союзники и бактрийцы.

Л. М. Сверчков упорно не замечает данных, отраженных в литературе. В частности, разрушение оборонительных стен и башен крепости Бандыхан II, а также цитадели Кызылтепа и земледельческих усадеб Кызылча в период Кызыл II, связывалось с походом Кира II в Бактрию (Сагдуллаев, 2009. С. 89–90). После этого внутривосточный стрелковый коридор и башни Кызылтепа были забутованы пахсой (период Кызыл III). Надо было аргументированно опровергнуть указанное, а затем уже излагать свои суждения по поводу времени «разгрома» Кызылтепа и Бандыхан II. Строительство полу-

округлых оборонительных башен, раскопанных на Кызылтапа, Бандыхан II, Талашкантепа, а также известных в Южной Бактрии – Тиллятепа (Сарианиди, 1989. С. 8–9, рис. 2), Алтындилляр и Атчапар (Мамедов, 2003. С. 85, рис. 56) является местной традицией фортификации, восходящей к эпохе бронзы. Это ставит под сомнение вывод Л. М. Сверчкова о строительстве греками аналогичных башен на Кызылтапа, а также возведение ими крепости Курганзол, что, по мнению Г. А. Кошеленко, представляется весьма маловероятным (Кошеленко, 2015. С. 208).

В целом метод однозначного отрицания результатов предыдущих археологических исследований и особенно периодизации поселений, как было подчеркнуто выше, используется в угоду заранее сложившейся концепции о довольно поздней хронологии указанных поселений – конец VI – IV вв. до н. э. Как было сказано, новые исследования фортификации Бандыхан II и Кызылтапа соавторы рассмотренных публикаций не проводили. Поэтому все их рассуждения о хронологии и периодизации этой фортификации являются необоснованными, так как авторы статьи имеют лишь визуальные представления о системе данной фортификации.

Толщина культурного слоя (6,5 м) в стратиграфическом разрезе раскопа восточного холма цитадели Кызылтапа (рис. 5), хронологическая последовательность разновременных строительных горизонтов, отчетливо определяемых по глубине их залегания, изменения размеров сырцового кирпича доахеменидского и ахеменидского времени и характер археологического материала не подтверждают выводы Л. М. Сверчкова, У. Син и Н. Бороффи относительно «новой» хронологии Кызылтапа, а также крепости Бандыхан. Керамика, обнаруженная в процессе раскопок башен и стен крепости Бандыхан II относится к VII–VI вв. до н. э. Эта керамика выявлена также под слоем крупных, тяжелых галечников, которыми были разрушены башни Бандыхан II. После этого крепость забрасывается, т. е. задолго до походов Александра она уже не функционировала, что исключает ее позднюю хронологию. Проведенные ранее исследования имели комплексный характер с использованием материалов ряда поселений Бандыханского и Миршадинского оазисов – Бандыхан I, II, Газимулла, Безьянне тепа, Кызылтапа, Буйрачи 1 и 2, Кызылча 6, которые дополняли друг друга. Миршадинский оазис был освоен еще в эпоху бронзы, и какого-либо длительного перерыва в жизни поселений, например, доахеменидского времени не наблюдается. По археологическим данным, здесь проявляется поэтапное развитие поселений эпохи бронзы и раннего железа. Авторы повторных раскопок ограничились поверхностным анализом как уже известных, так и обнаруженных ими археологических материалов, сопоставление которых должно было определить новизну их исследований.

Они упорно игнорируют ранние даты бронзовых наконечников стрел, каменных и бронзовых серпов (VIII–VII вв. до н. э.), а также керамики (в том числе сосудов с клювовидным венчиком, составляющих характерную особенность керамики типа Яз II). Эти материалы как на примере Бандыхана, Кызылтапа и усадьбы Кызылча 6, так и других бактрийских поселений – Тиллятепа (Сарианиди, 1989. С. 22–37) и Кучуктепа (Аскарлов, Альбаум, 1979. С. 48–67) – датируются не только ахеменидским временем, как считает Л. М. Сверчков, но и более ранним. К сожалению, вне поля зрения и критического анализа осталась опубликованная керамика типа Кызыл I, II, III, изделия которой отличаются друг от друга (Сагдуллаев, 1985. С. 23–26, рис. 2, 3, 4, 5; 1989. С. 38–44). В таблицах керамики из нижних слоёв цитадели Кызылтапа, Буйрачи и Бандыхан I также получили отражение сосуды, изготовленные на гончарном круге,

относящиеся к переходному периоду от эпохи бронзы к раннежелезному веку. Это свидетельствует о преемственной линии развития культуры.

Проявление поверхностного отношения к данным письменных источников отмечается и в неудачной попытке Л. М. Сверчкова отождествить некий мифический «город Маргания» (правильно – город Маргианы) периода походов Александра с поселением Бандыхан II (Сверчков, 2005. С. 74–78). Этим и объясняется довольно поздняя, «новая» хронология фортификации данного поселения, башни которой непременно должны были «забить камнями» воины Александра, т. е. датировка крепости Бандыхан II искусственно приближена ко времени походов греко-македонцев. Но, как достаточно полно обосновал Э. В. Ртвеладзе, локализация «Маргании» не соответствует исторической действительности (Ртвеладзе, 2014. С. 5–20).

В заключение приведем следующие, мягко говоря, довольно странные положения: «Из-за отсутствия письменных сведений мы можем только догадываться, что происходило в Северной Бактрии (и не только) после смерти Александра в 323 г. до н. э. Понятно, однако, что здесь началась война: и за власть, и за полное изгнание греко-македонцев, их ставленников и соратников. Вполне вероятно, что какая-то их часть пыталась закрепиться в Кызылтепа, выстроив линию обороны «нижнего города» и отрыв довольно скромные окопы на восточном холме цитадели, но, как и в случае с крепостью Курганзол, попытка эта успехом не увенчалась. В конце этапа 2 город был окончательно разгромлен, и те жалкие признаки жизни, которые мы фиксируем на следующем, третьем, этапе, скорее всего, оставлены мародёрами, пришедшими на руины города в поисках поживы» (Сверчков, Син, Бороффка, 2013. С. 74).

Тезис о том, что началась война за власть между покоренными бактрийцами и их победителями – греко-македонцами – остается все же непонятным и парадоксальным. И тем не менее «город был окончательно разгромлен», хотя следы этого окончательного разгрома археологически не выявлены. Зачем выдумывать события, которые не происходили?

После смерти Александра Македонского Бактрия управлялась греко-македонскими сатрапами, поэтому у завоевателей не было особой необходимости «строить линию обороны» и «рыть скромные окопы» на восточном холме цитадели Кызылтепа или еще где-то, словно окопы в ту пору были наиболее удобным фортификационным сооружением для стрельбы из лука и метания камней из пращи. Это напоминает описание фортификационных работ периода Первой мировой войны. Известно, что Бактрия вошла в состав государства Селевкидов, а в середине III в. до н. э. на ее территории образовалось эллинистическое государство – Греко-Бактрийское царство (Ртвеладзе, 2009. С. 140–146). Это общепринятые исторические данные.

Что касается понятия «мародёр», то в словаре русского языка это слово означает «тот, кто грабит население в районах военных действий, а также убитых и раненых на поле сражения, грабитель» (Ожегов, 1970. С. 331). И, наверное, после «окончательного разгрома» Кызылтепа военные действия здесь уже не велись и неизвестные мародёры, которые «пришли на руины города», в разрушенных жилищах ничего не нашли. Но тем не менее они, пытаясь обнаружить здесь клады, подобные астрабадскому и базгирскому, некогда оставленные гутиями в Иране, а также заодно «импортную эллинистическую посуду», занимались «поисковой деятельностью», прорезая древние культурные слои, рыли глубокие «аморфные», т. е. бесформенно-расплывчатые ямы.

И все же, чтобы не строить догадки, обращаясь к вопросам древней истории, видимо, следовало бы более внимательно относиться к данным научной литературы, опубликованным археологическим материалам, к изучению источников и сравнитель-

ному анализу, к различным точкам зрения и обоснованным подходам. Все это могло бы оказать положительное влияние на аргументированные методы построения гипотезы, исключая необоснованные, а порой абсурдные выводы не только в интерпретации исторических событий, но и в освещении вопросов хронологии, например, таких догадок: «приблизительно в 2200 г. до н. э.», «около 1400 г. до н. э.», «около 1000 г. до н. э.», «предположительно в конце VI в. до н. э.», «около середины или второй половины IV в. до н. э.», «где-то в конце V века до н. э.», так как все это, а также многие рассмотренные выше положения являются «околонаучными» предположениями, не подкрепленными доказательствами, и потому они остаются необоснованными.

К разряду таких, ничем не доказанных, скороспелых суждений относятся следующие: историко-географическое соответствие стран Гутиум и Аратта, миграция племенного союза гутиев в Маргиану и Бактрию, объяснение археологического распознавания индоевропейских языков, миграция населения долины Тарима в Бандыхан, наличие на Кызылтепа «импортной эллинистической посуды», разрушение крепости Бандыхан II в 328 г. до н. э. греко-македонцами, разгром ими в том же году Кызылтепа и окончательный разгром Кызылтепа, но уже бактрийцами, которые якобы объявили войну эллинам после смерти Александра Македонского в 323 г. до н. э. Такой войны, естественно, не было. Очаги сопротивления бактрийцев окончательно были подавлены в 327 г. до н. э. История следующих периодов свидетельствует о значительном укреплении военно-политических позиций греко-македонцев в Бактрии.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Аскарлов А. А., Альбаум Л. И.* Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979. 112 с.
- Кошеленко Г. А., Сверчков Л. М.* Курганзол – крепость Александра на юге Узбекистана. Ташкент: SMI ASIA, 2012. 182 с. // Вестник древней истории. № 2. 2015. С. 206–212.
- Мамедов М.* Древняя архитектура Бактрии и Маргианы. Ашгабад, 2003. 143 с.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1970.
- Пугаченкова Г. А.* В поисках культурных ценностей прошлого // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989. С. 7–28.
- Ртвеладзе Э. В.* Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Ташкент, 2002. 183 с.
- Ртвеладзе Э. В.* Бактрия и Согд в системе эллинистической государственности // История государственности Узбекистана. Т. I. Ташкент, 2009. С. 142–166.
- Ртвеладзе Э. В.* Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана // Бактрийские древности. Л., 1976. С. 95–100.
- Ртвеладзе Э. В.* От Окса – к Каспию. Дорога Александра Македонского в город Маргиану. Реки Ох и Окс // Ўрта Осиё тарихи ва маданияти муаммолари. Тошкент, 2014. С. 5–20.
- Сагдуллаев А. С.* О соотношении древнеземледельческих комплексов Ферганы и Бактрии // Советская археология. № 4, М., 1985. С. 21–32.
- Сагдуллаев А. С.* Основные черты и генезис культуры доантичной Бактрии // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989. С. 29–52.
- Сагдуллаев А. С.* Среднеазиатское Двуречье в системе государства Ахеменидов // История государственности Узбекистана. Т. I. Ташкент, 2009. С. 89–106.
- Сагдуллаев А. С.* Усадьбы древней Бактрии. Ташкент, 1987. 110 с.
- Сагдуллаев А., Хакимов З.* Археологическое изучение городища Кызылтепа // Бактрийские древности. Л., 1976. С. 24–30.
- Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990. 316 с.
- Сарианиди В. И.* Задолго да Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). М., 2010. 200 с.
- Сарианиди В. И.* Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989. С. 22–27.
- Сверчков Л. М.* Байсун. Опыт исторической реконструкции // История и традиционная культура Байсуна. Ташкент, 2005. С. 74–78.
- Сверчков Л. М.* «Тохарская проблема» и культура расписной керамики эпохи раннего железа // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Ташкент, 2010. С. 176–197.

- Сверчков Л. М. Тохары. Древние индоевропейцы в Центральной Азии. Ташкент, 2012. 240 с.
- Сверчков Л. М., Бороффка Н. Памятники Бандыхана // Археологические исследования в Узбекистане. 2004–2005 гг. Вып.5. Ташкент, 2006. С. 193–200.
- Сверчков Л. М., Син У., Бороффка Н. Городище Кызылтапа (VI–IV вв. до н. э.): новые данные // Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. М., 2013. С. 31–74.
- Сверчков Л. М., Син У., Бороффка Н. Раскопки Кызылтапа // Археологические исследования в Узбекистане. 2010–2011 г. Самарканд, 2012. С. 253–261.
- Шайдуллаев Ш. Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент, 2000. 126 с.

REFERENCES:

- Askarov A. A., Al'baum L. Ya. 1979. *Poseleniye Kuchuktepa* (Kuchuktepa settlement). Tashkent: 112 (in English).
- Koshelenko G. A., Sverchkov L. M. 2015. *Kurganzol – krepost' Aleksandra na yuge Uzbekistana* (Kurganzol – Alexander's fortress in the south of Uzbekistan). Tashkent: SMI AZIYA, 2012. 182 s. // Vestnik drevney istorii. № 2. Moscow, 206–212.
- Mamedov M. 2003. *Drevnyaya arkhitektura Baktrii i Margiany* (Ancient architecture of Bactria and Margiana). Ashkhabad: 143 (in Russian).
- Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka. Moscow: 1970 (in Russian).
- Pugachenkova G. A. 1989. *V poiskakh kul'turnykh okhvatov proshlogo* (In Search of Cultural Embraces of the Past) // Antichnyye i rannesrednevekovyye drevnosti Yuzhnogo Uzbekistana. Tashkent: 7–28 (in Russian).
- Rtveladze E. V. 2002. *Aleksandr Makedonskiy v Baktrii i Sogdiane* (Alexander the Great in Bactria and Sogdia). Tashkent: 183 (in Russian).
- Rtveladze E. V. 2009. *Baktriya i Sogd v sisteme ellinisticheskoy gosudarstvennosti* (Bactria and Sogd in the system of Hellenistic statehood). Istoriya gosudarstvennosti Uzbekistana. Vol. I. Tashkent: 142–166 (in Russian).
- Rtveladze E. V. 1976. *Novyye drevnebaktriyskiye pamyatniki na yuge Uzbekistana* (New ancient Vactrian sites in the south of Uzbekistan). Bactrian antiquities. Leningrad: 95–100 (in Russian).
- Rtveladze E. V. 2014. *Ot Oksa – k Kaspiyu. Doroga Aleksandra Makedonskogo v gorod Margianu. Reki Okh i Oks* (From Oxus to the Caspian. The road of Alexander the Great to the city of Margiana. Ox and Ox rivers) // Urta Osiyo tarixi va madaniyati muammolari. Toshkent: 5–20 (in Russian).
- Sagdullayev A. S. 1985. *O sootnoshenii drevnezemel'del'cheskikh kompleksov Fergany i Baktrii* (On the ratio of the ancient agricultural complexes of Fergana and Bactria). Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology). Issue 4. Moscow: 21–32 (in Russian).
- Sagdullayev A. S. 1989. *Osnovnyye cherty i genezis kul'tury doantichnoy Baktrii* (The main features and genesis of the culture of pre-antique Bactria). Antichnyye i rannesrednevekovyye drevnosti Yuzhnogo Uzbekistana. Tashkent: 29–52 (in Russian).
- Sagdullayev A. S. 2009. *Sredneaziatskoye Dvurech'ye v sisteme gosudarstva Akhemenidov* (Central Asian Mesopotamia in the system of the Achaemenid state). Istoriya gosudarstvennosti Uzbekistana. Vol. I. Tashkent: 89–106 (in Russian).
- Sagdullayev A. S. 1987. *Usad'by drevney Baktrii* (Estates of ancient Bactria). Tashkent: 110 (in Russian).
- Sagdullayev A., Khakimov Z. 1976. *Arkheologicheskoye izucheniye gorodishcha Kyzyltepa* (Archaeological study of the ancient settlement of Kyzyltepa). Bactrian antiquities. Leningrad: 24–30 (in Russian).
- Sarianidi V. I. 1990. *Drevnosti strany Margush* (Antiquities of the country Margush). Ashkhabad: 316 (in Russian).
- Sarianidi V. I. 2010. *Zadolgo da Zaratushtry* (Arkheologicheskiye dokazatel'stva protozoroastrizma v Baktrii i Margiane) (Long before Zarathushtra (Archaeological Evidence of Proto-Zoroastrianism in Bactria and Margiana). Moscow: 200 (in Russian).
- Sverchkov L. M. 2005. *Baysun. Opyt istoricheskoy rekonstruktsii* (Baysun. Experience of historical reconstruction). Istoriya i traditsionnaya kul'tura Baysuna. Tashkent: 74–78 (in Russian).
- Sarianidi V. I. 1989. *Khram i nekropol'Tillyatepe* (Temple and necropolis Tillyatepe). Moscow: 22–27 (in Russian).
- Sverchkov L. M. 2010. «Tokharskaya problema» i kul'tura raspisnoy keramiki epokhi rannego zheleza ("Tocharian problem" and the culture of painted ceramics of the Early Iron Age). Traditsii Vostoka i Zapada v antichnoy kul'ture Sredney Azii. Tashkent: 176–197 (in Russian).
- Sverchkov L. M. 2012. *Tokhary* (Tokhary). Drevniye indoyevropeytsy v Tsentral'noy Azii. Tashkent: 240 (in Russian).

- Sverchkov L. M., Boroffka N. 2006. *Pamyatniki Bandykhana (Monuments of Bandykhan)*. AIU (Archaeological research in Uzbekistan. 2004–2005). Issue 5. Tashkent: 193–200 (in Russian).
- Sverchkov L. M., Sin U., Boroffka N. *Gorodishche Kyzyltepa. 2013. (VI–IV vv. do n. e.): novyye dannyye (The settlement of Kyzyltepa (6th–4th centuries BC): new data)*. Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury. Moscow: 31–74 (in Russian).
- Sverchkov L. M., Sin U., Boroffka N. 2012. *Raskopki Kyzyltepa (Excavations of Kyzyltepa)*. AIU (Archaeological research in Uzbekistan 2010–2011). Samarkand: 253–261 (in Russian).
- Shaydullayev Sh. B. 2000. *Severnaya Baktريا v epokhu rannego zheleznogo veka (Northern Bactria in the Early Iron Age)*. Tashkent: 126 (in Russian).

SOME APPROACHES TO STUDY THE QUESTIONS OF ARCHAEOLOGICAL SITES AND ANCIENT HISTORY

© 2022. **Anatoliy Sagdullaev**

National University of Uzbekistan

Keywords: Aratta, Gonur, Margiana, Bactria, Jeytun culture, Sintala, Bandykhan, Kyzyltepa, Alexander the Great.

Abstract: *With reference to the topic, raised by G. A. Koshelenko in his review on the book "Kurganzol – the fortress of Alexander in the south of Uzbekistan" by L. M. Sverchkova (VDI, 2015. № 2), based on other publications of the author, including those co-authored the article considers the problem of objectivity in historical research, methods of interpretation of archaeological data and the presentation of their own opinions. Special focus is made on the persistent attempts to prove that the complex issues of ancient history can be solved, based on guesswork and imagination.*

All this was reflected in an unsuccessful attempt to determine the language of the carriers of the Jeytun, Kelteminar and other cultures on the basis of archaeological materials, in an unreasonable approach to solving the problems of the historical geography of the Bronze Age and the issues of migration of the Gutian tribal union to Margiana and Bactria, the resettlement of the population of the Tarim Valley to the Bandykhan oasis (Southern Uzbekistan).

The results of repeated studies of Bandykhan and Kyzyltepa sites have been considered separately, including the chronological features and periodization of archaeological complexes, the history of formation and development of the fortifications of Kyzyltepa and Bandykhan II. It is noted that the authors of the new researches did not excavate the defensive walls of the Kyzyltepa settlement and the Bandykhan II fortress, therefore their conclusions regarding the history of the fortification of these sites remain unfounded; the characterization of some other problems of archaeology of the Late Bronze Age and Early Iron Age requires scientific argumentation and comparative analysis.